

К полемике о времени строительства собора Новодевичьего монастыря

В истории храмового строительства грозненской эпохи по-прежнему не определено место собора Новодевичьего монастыря. В отношении его датировки сложилась достаточно противоречивая ситуация. С одной стороны, по-прежнему встречается, преимущественно в музейной литературе, его традиционная датировка 1525 г. С другой, существует точка зрения о возведении собора при Иване IV, основанная на критическом анализе немногих письменных источников и сопоставлении особенностей облика собора с архитектурой XVI в. Критика традиционной датировки прозвучала еще в 1988 г. в докладе С.С. Подъяпольского¹. Однако до последнего времени текст доклада остается неопубликованным, и о содержании доклада читатели могут лишь догадываться по полемике с его некоторыми принципиальными положениями, присутствующей в статье В.В. Кавельмаха². Тем не менее с 1988 г. среди архитектуроведов установилась некая устная договоренность о недостоверности традиционной датировки собора 1525 г. и о его возможном строительстве при Иване IV. Решающим здесь оказалось открытие Г.А. Макаровым, автором наиболее исчерпывающего за все время изучения собора реставрационного исследования, остатков четырех приделов, воздвигнутых первоначально на сводах галереи. Именно эти сведения позволили С.С. Подъяпольскому, автору настоящей статьи³, и В.В. Кавельмахеру связать храм по времени с перестройкой московского Благовещенского собора 1560-х гг. Заметим, что сам автор этого открытия, Г.А. Макаров, продолжал датировать собор временем Василия III. Доминирующее значение здесь имела определенность летописного известия об основании монастыря и его храмов — 8 мая 1525 г.⁴ При отсутствии систематизированной критики источников, используемых для отнесения собора ко времени Ва-

силия III, летописное свидетельство оказывается и в наши дни решающим для многих.

* * *

Как известно, первое сообщение об обете Василия III содержится в его духовной, составленной в июне 1523 г.: «Да коли есми Божию волею достал своеи отчины города Смоленска и земли Смоленские, и яз тогда обещал поставити на Москве на посаде Девичь манастырь, а в нем храмы во имя Пречистые да Происхождение честнаго креста и иные храмы... И ныне есми того манастыря състроити не успел...»⁵

Из этого сообщения мы не только узнаем, что монастырь должны были устроить по обету после взятия Смоленска, но и то, что этот обет не был осуществлен еще в 1523 г. Кроме того, В.Д. Назаров первый обратил внимание на то, что обетный монастырь должны были устроить на другом месте — не за городом, а на посаде. Таким образом, при исполнении обета был изменен замысел, и весной 1525 г. монастырь был основан «за посадом», как о том и сообщает современный великому княжению Василия III Постниковский летописец⁶. Назаров также справедливо отметил, что сведения летописей об основании монастыря в 1525 г. вызывают больше доверия, чем текст поздней эпитафии на закладной плите над погребением первой игумении Олены Девочкиной, указывающей на 1524 г., или аналогичные сведения Степенной книги и Мазуринского летописца⁷. Кроме того, им впервые были высказаны сомнения в том, что существующий каменный собор мог быть построен летом 1525 г., поскольку еще в июне 1523 г. замысел не был конкретизирован, а строительство подобного храма «должно было занять не менее пяти—шести лет»⁸. Это замечание очень существенно. Даже если мы обратимся к

1. Основание Новодевичьего монастыря.
Миниатюра Лицевого летописного свода.
Конец 1560 — середина 1570-х гг. РГБ, Ф. * № 232

срокам возведения храмов итальянскими мастерами времени расцвета кремлевского строительства, то убедимся в невозможности сооружения существующего собора с июня 1523 г. по июль 1525 г. Архангельский собор Алевиз Новый строил с 1505 по 1508 г. Значительно меньший по размерам собор Вознесенского монастыря строили с 10 августа 1518 по 9 мая 1521 г.⁹ В том случае если к исполнению обета приступили уже летом—осенью 1523 г., то сначала должны были устроить кирпичные сараи для обжига кирпича, выкопать ямы для гашения извести, заготавливать бут для фундамента, копать фундаментные рвы. Таким образом, строительство, включая подготовительные работы, могло длиться в самом лучшем случае два строительных сезона: середина лета — осень 1523 г., весна—осень 1524 г. и весна — начало лета 1525-го. За этот срок, как мы видим, невозможно возвести собор такого масштаба, стоящий на подклете, окруженный двухъярусными папертиями с четырьмя приделами над ними. Сопоставимую продолжительность имело строительство в 1510-е гг. небольших, в основном, видимо, бесстолпных храмов на московском посаде.

Так, церкви Владимира в Старых Садах и Благовещения на Старом Ваганькове были заложены весной 1514 г., а освящены: первая — 3 февраля, а вторая — 31 июля 1516 г.¹⁰ Храм Рождества Богородицы на Сенях начали перестраивать весной 1514 г., а освятили 8 сентября 1516 г.¹¹ Храм Леонтия Чудотворца заложили в 1515/1516 г., а завершили 12 сентября 1518 г.¹² Поэтому существующий собор невозможно датировать 1525 г.

Отстоять эту дату не может помочь и запись в монастырском синодике 1705 г.: «В лето 7033-го году избиевших с храму, как строили соборную каменную церковь во святей обители сей каменщиков 57 человек, помяни господи: Нестора, Иоанна, Ксении, Макария, Анисии, Евтихия, Феодора, Леонтия, Иакова, Михаила, Димитрия, Василиа, Даниила, Кондрата, Терентия, Лавра...»¹³ (курсив мой. — А.Б.). На то, что в этом списке присутствуют женские имена, обладательницы которых вряд ли могли быть в числе строителей, первым обратил внимание в своем докладе С.С. Подъяпольский. Соответственно и текст образовался от слияния разных записей, существовавших в утраченном более раннем монастырском Синодике. Исследователь обоснованно предположил, что к дате основания монастыря составитель Синодика 1705 г. присоединил перечень погибших при строительстве храма в 1550 г. Известие о гибели строителей в том году содержится в Музейском списке № 607, включающем продолжение Русского хронографа 1512 г.: «Того ж лета в Новодевичьем монастыре, что на Дорогомилове, у церкви Рожества Пречистыя каменные верхи обвалилися, во июли месяцы, и до земли мост проломило, людей много побилло, которые церковь делали»¹⁴. Действительно, трудно предположить, что в одном монастыре на протяжении двадцати пяти лет произошли два обрушения каменных церквей. Поскольку данная летопись представляется намного более достоверным источником, чем явно компилятивная запись в Синодике 1705 г., можно утверждать, что в нем были использованы сведения о событии 1550 г., содержащиеся в первом монастырском Синодике.

Однако высказанные соображения о невероятности строительства существующего собора в 1525 г. еще не избавляет нас от необходимости рассмотреть возможность возведения каменного собора при Василии III.

Напомним, что наиболее существенным аргументом для отнесения этого памятника к эпохе Ивана IV стало доказательство того, что на сводах его папертей изначально были устроены четыре придела. Заметим, что впервые на следы существ-

ования в прошлом восточных приделов обратила внимание еще Л.С. Ретковская¹⁵. Однако это наблюдение не привело к локализации архитектурного контекста, в который вписывался собор. Напомним, что тогда и церковь в селе Дьяково нередко датировалась 1529 г. Само явление многопридельности не было осмыслено как феномен архитектуры грозненской эпохи. Теперь, когда мы гораздо лучше, нежели наши предшественники в 1950-е гг., представляем картину храмостроительства в XVI в., собор Новодевичьего монастыря действительно вписывается в ряд многопридельных храмов середины — второй половины XVI столетия. Допустить, что подобный храм мог возникнуть при Василии III, очень трудно, так как в этом случае собор стал бы единственным подобным примером, намного опережающим развитие русской архитектуры. Однако один только этот аргумент явно недостаточен. Возможный сторонник ранней датировки мог бы указать нам на собор Спаса на Бору 1527 г. Этот феноменальный для начала столетия многопридельный храм появился из-за необходимости сохранить ту систему придельных престолов, которая складывалась в монастырском соборе Преображения Господня на Бору с 1330 г. Что же касается Новодевичьего монастыря, то летописи позволяют предположить, что программа сооружения обетного храма включала устройство придельных престолов, освященных во имя святых и праздников, память о которых совершалась в дни, связанные со взятием Смоленска. Эта уникальная программа могла вызвать и уникальное архитектурное воплощение. Кроме того, в пользу возведения собора при Василии III могли бы использоваться в качестве аргументов и некоторые особенности его архитектуры. Ордерная декорация интерьера, выделяющая храм среди других соборных построек середины — второй половины столетия, характерна именно для шестистолпных соборов эпохи Василия III.

Прежде чем приступить к анализу архитектуры собора, рассмотрим правомерность суждений о строительстве каменного храма в Новодевичьем монастыре при Василии III после 1525 г.

Ставя под сомнение традиционную датировку собора, С.С. Подьяпольский допускал, что уже в 1525 г. мог быть построен каменный одноглавый храм¹⁶. Основанием тому послужила миниатюра Лицевого летописного свода, иллюстрирующая известие об основании монастыря в 7033 (1525) г. (ил. 1). Здесь изображена Москва как окруженный стенами с башнями град с пятиглавым собором. В

2. Перевоз больного великого князя Василия III через Москву-реку. Миниатюра Лицевого летописного свода. Конец 1560-х — середина 1570-х гг. ГИМ, Син. 149

правой части миниатюры помещен Саввинский монастырь с шатровым храмом, а в левой — «Новый Девичь» с одноглавым собором с позакомарным покрытием, окруженный деревянной оградой. Однако рассматривать каждую миниатюру в качестве документального источника вряд ли возможно. Хотя изучение архитектурных стаффажей создали у исследователей убежденность в том, что для средневекового изографа было важным число глав изображаемого храма или материал, из которого он построен (это помогало хронологическому различению событий), но этот источник нельзя абсолютизировать. Так, можно привести другую миниатюру из Лицевого свода, с иным монастырским собором, которая иллюстрирует летописную статью о болезни Василия III и изображает перевоз больного великого князя через реку Москву «под Воробьевым против Нового монастыря» (ил. 2). Здесь показан обнесенный стеной монастырь, внутри которого помещены трехглавый храм и высокая одноглавая церковь, судя по широкому проему, «под колоколами». Если рассматривать эти миниатюры как документальный источник, следует признать, что между 1525 и

3. Закладка храма святых праведных Богоотец Иоакима и Анны в Новодевичьем монастыре. Миниатюра Лицевого летописного свода. Конец 1560 — середина 1570-х гг. ГИМ, Син. 149

1533 г. на месте одноглавого каменного храма был построен другой — многоглавый. В это уже достаточно трудно поверить. Кроме того, изограф явно не всегда мог или не считал важным адекватно показать материал, из которого была сложена церковь. В этом он скорее следовал не каким-то дополнительным источникам, а тексту летописи. Если иллюстрируемая статья содержала сведения о материале храма, то для него это уточнение также становилось важным (одного из таких примеров мы коснемся ниже). В миниатюре же, изображающей основание монастыря, материал построек оказывается для него явно не существенным. Можно видеть, что церковь соседнего Саввинского монастыря показана каменной шатровой, какой она никак не могла быть в 1525 г. Почему же тогда изограф в иллюстрации к тексту 1525 г. изобразил одноглавый храм, а к описаниям событий 1533 г. — трехглавый? Более того, на миниатюре, иллюстрирующей текст о закладке деревянного храма Иоакима и Анны во имя патрональной святой дочери царя Ивана IV, царевны Анны Иоанновны, которая родилась в 1549 г., показан уже собор с пятью главами (ил. 3). Считая, что на

миниатюре 1533 г. изображен трехглавый собор, а на миниатюре 1549 г. — современный нам пятиглавый, М.М. Шведова предположила, что последний был построен между 1533 и 1550 г.¹⁷ Вывод исследовательницы, как мы увидим далее, имеет основания, но не может быть обоснован приводимыми ею изображениями в томе Лицевого летописного свода. Если следовать миниатюрам, то получается, что в течение двадцати пяти лет в монастыре периодически перестраивали соборную церковь, то есть сначала построили одноглавую, затем трехглавую, а после нее пятиглавую. Прежде всего заметим, что трехглавие соборного храма на миниатюре 1533 г. могло быть схематическим изображением пятиглавия, так как в данном случае весь монастырь показан достаточно мелко. На изображении 1549 г. собор занимает доминирующее положение и показан крупно, с «разверткой» всех пяти глав. Поэтому, скорее всего, в миниатюрах Лицевого свода представлены не разные соборы. Иллюстрируя летописные статьи 1533 и 1549 гг., миниатюрист изобразил современный ему пятиглавый собор (если только он действительно изображал конкретный храм, а не идеальный монастырский собор), а на миниатюре, соответствующей тексту 1525 г., — начальный храм монастыря, принципиально не похожий на существовавший в царствование Ивана IV. В то же время нельзя также исключить, что согласованности между тремя изображениями просто нет, как ее могло не быть и между миниатюрами и реальным собором.

Отметив противоречивость миниатюр Лицевого летописного свода в качестве источника, посмотрим, как можно ответить на вопрос о существовании каменного собора Василия III, опираясь на немногие сведения письменных источников.

После известия об основании монастыря летопись сообщает нам лишь о двух событиях в его строительной истории: о строительстве деревянной церкви во имя свв. Иоакима и Анны в августе 1549 г., в которой была крещена царевна Анна, и об обрушении «верхов» церкви Рождества Богородицы в монастыре в июле 1550 г. Именно последнее, уже цитированное нами известие, и вызывает наиболее сильные разногласия в его толковании. История строительства этого храма оказывается весьма важной и для ответа на вопрос о каменном храме Василия III, и для датировки существующего собора.

С.С. Подъяпольский в своем докладе 1988 г. указал на то, что текст летописи позволяет в об-

ших чертах реконструировать облик храма, обрушившегося в июле 1550 г. Сообщение о проломившемся до земли «мосте» свидетельствует о наличии подклета, а об обрушении «верхов», а не «верха», о том, что храм не был одноглавым и, скорее всего, пятиглавым. О больших размерах этого храма свидетельствует, по его мнению, и сам характер катастрофы, и большое число погибших при этом каменщиков¹⁸. Подъяпольский отметил, что летописное описание в целом совпадает с существующим собором. Однако он посчитал некорректным настаивать на идентификации «летописного» и существующего соборных храмов, поскольку обрушившийся мог бы разобрать и возвести затем заново. Но при этом в докладе четко проведена мысль о том, что летопись сообщает об обрушении строившейся в 1550 г. соборной церкви. Была исключена также возможность ошибки летописца, назвавшего престол освященным во имя Рождества Богородицы, а не во имя Смоленской иконы Богоматери. Автор справедливо указал, что возникающее у нас недоумение означает лишь недостаточную изученность истории посвящений собора. Храм мог быть назван по одному из приделов. Кроме того, могло иметь место и последующее изменение посвящения соборного престола, как это было с собором в Вологде, ставшим из Успенского Софийским.

Иную позицию по отношению к летописному известию о падении верхов церкви Рождества Богородицы занял В.В. Кавельмахер. Прежде всего, он приписал С.С. Подъяпольскому суждение, которого тот не только не высказывал, но и, наоборот, отвергал, а именно вывод о содержащейся в летописи ошибке в наименовании престола¹⁹. Создав искусственно оппозицию своей логической конструкции, Кавельмахер выдвинул тезис о существовании в монастыре в XVI в. неизвестной нам каменной церкви, упоминание о которой он нашел в эпитафии 1685 г. над погребением царевны Анны: «Лета 7058 июля в 20 день преставися царевна и великая княжна Анна Иоанновна... а погребена была в сем монастыре в деревянной церкви богоотец Иоакима и Анны, на коем месте построена была церковь каменная, а стояла не освящена многие годы, и та церковь для ветхости разобрана...»²⁰. Именно эта церковь, разобранная в 1685 г., из которой саркофаг царевны Анны был перенесен в подклет собора, и была, по Кавельмахеру, каменным храмом во имя Рождества Богородицы. По его мнению, каменная церковь на месте деревянной была заложена сразу после похорон царевны, осенью 1550 г., и строили ее на протяже-

нии лета 1551 г. вплоть до июля, когда произошла катастрофа. Возникающую при этом проблему с посвящением автор решает достаточно просто: престол свв. Иоакима и Анны был переосвящен во имя Рождества Богородицы. Почему же это произошло? Так как после смерти царевны «необходимости в праздновании именин больше не было, церковь в процессе перестройки могла изменить свое посвящение — посредством небольшого календарного сдвига — в пользу, как было принято на Руси, большего праздника: вместо того, чтобы быть посвященной «средним» святым Иоакиму и Анне, она могла быть переосвящена большому Богородичному празднику — Рождеству Богородицы, празднуемому накануне, — 8 сентября, что совпадает с предпразднеством Иоакиму и Анне... Иначе говоря, Рождество и праздник Иоакима и Анны — один праздник, длящийся с предпразднествами и послепразднествами трое суток»²¹. Далее автору удастся реконструировать облик этого храма. Сначала выстраивается новая логическая схема: ближайшим аналогом храму Рождества Богородицы является, как считает автор, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, поставленная «по обету в благодарность за избавление от бесплодия (вариант в память благополучного разрешения от бремени)» и посвященная ангелу «венценосного младенца». Поэтому, как пишет автор, «а что если царь поставил над царевною нечто подобное дьяковскому храму, например, с уширенным основанием и с конструктивно опасным шатровым верхом и, разумеется, без многочисленных приделов (или с одним — Иоакима и Анны)?» Тогда, продолжает он, объясним и «факт падения... церковных верхов»²². Этот шатровый храм и изображен, согласно версии Кавельмахера, на Несвижском плане (ил. 4). Здесь в центре монастыря показана огромная шатровая церковь²³.

Итак, перед нами стройная версия истории монастырского строительства в середине XVI столетия. Попробуем проанализировать ее достоверность.

Разберем для начала главное положение автора о церкви Рождества Богородицы как о храме, воздвигнутом над погребением царевны Анны. Здесь приходится, прежде всего, усомниться в суждении Кавельмахера о том, что строительство каменного храма Рождества Богородицы началось над погребением царевны. Царевна действительно преставилась в июле 1550 г., но и крушение уже выстроенного храма также произошло не в июле 1551 г., как об этом неоднократно упомина-

4. Новодевичий
монастырь.
Несвижский план.
1611 г. Деталь

ет Кавельмахер, а в июле 1550 (июль 7058) г. Почему же и В.В. Кавельмахер, и вслед за ним В.Д. Назаров²⁴ разъединяют по времени эти два события, тогда как в Русском хронографе известие о кончине царевны следует сразу после сообщения о падении церкви и начинается со слов «того же лета»? Проанализируем порядок известий в той части Хронографа, в которой помещен интересующий нас текст, начиная с известия о рождении царевны Анны. Ему предшествует текст под 7057 (1549) г. об отправке послов в Литву — окольничего Михаила Яковлевича Морозова, дворецкого Петра Васильевича Морозова, дьяка Бакака Корачарова²⁵. За ним следует текст о рождении «того же году» 11 августа царевны Анны. Согласно другим летописям и источникам, эти два события произошли именно в той очередности, в которой они поставлены в Хронографе. Послы были отправлены 11 июля 7057 (1549) г., а царевна родилась в августе²⁶. Далее следует сообщение о выезде «из Ногай» служить московскому царю князя Кострова с казанскими князьями, которое заканчивалось словами «...а на Казани ещо царя нет». Как известно по Летописцу начала царства, отразившемуся в группе летописей, известие о смерти Сафа-Кирея в Москве получили в марте 7057 г., а в июле уже поступила грамота от нового казанского царя Утемиш-Гирея²⁷. Таким образом, упомянутое выше окончание этого известия относится к реалиям весны — начала лета 7057(1549) г. Затем летописец делает временной скачок на год вперед и сообщает о позлащении главы московского Успенского собора в июле 7058 (1550) г. Поскольку интересующие нас известия о падении

верхов церкви в Новодевичьем монастыре и смерти царевны помещены после группы известий, начинающихся словами «тое ж осени», которые следуют за текстом о позлащении главы, то видимо, у Кавельмахера и Назарова сложилось представление, что они относятся уже не к июлю 7058, а, как и осенние события, к 7059 году, то есть к лету 1551 г. Так, Назаров в одном из примечаний, комментируя текст Русского Хронографа, пишет: «...показательна ошибка в дате смерти Анны; кончина царевны отнесена к 1551 г. и хронологически сближена с построением обрушившейся каменной церкви Рождества Богородицы»²⁸. Но посмотрим, есть ли основания для такой позиции. Анализ известий, следующих за текстом «о позлащении главы», показывает, что последний вставлен составителем Хронографа не на свое место — он в действительности искусственно разбивает события лета 7057 и начала, то есть осени, 7058 г. (кроме того, по Летописцу начала царства, в составе разных летописей, включая и Царственную книгу, позлащение главы было осуществлено в сентябре 7059 г.). После этой вставки восстанавливается первоначальная хронологическая последовательность — описываются события осени 7058 (1549) г., начало второго Казанского похода: «Тое же осени царь... пошел с Москвы на дело свое х Казани ноября в 20 день»²⁹. Далее Русский хронограф подробно описывает обстоятельства царского похода, который окончился весной 7058 (1550) г.: «А ис Казанни... пошел в Нижней Новгород, а Казани города не взял... а ис Нижнево... пришел на Москву в великое говенье, канун Благовещения дни...»³⁰. Затем логично следует сна-

чала известие о событии, произошедшем во вторник на Пасхальной неделе, — землетрясении в Ярославле, Угличе и Ростове, а затем уже группа июльских известий о смерти царевны Анны и о падении верхов в Новодевичьем монастыре. Июльским является и следующее за ним сообщение о хождении царя к Коломне «против своего недруга Крымского царя Сап-Гирея...»³¹. Оно твердо датируется по другим летописям июлем 7058 (1550) г.: «Того же лета пришли к великому князю вести про крымского царя, что хочет быть на его украину. Иулиа 20, в неделю выехал царь ... на Коломну, а оттоле на Резань, а на Москву приехал Августа 23, в четверток»³². Перечень событий конца 7058 г. заканчивается учреждением стрелецкого войска, а известия 7059 г. начинаются с убийства в октябре «Сап-Гирея» «Адевлет-Гирем»³³. Таким образом, известие о падении верхов поставлено в центре перечня событий июля 7058 (1550) г., и нет оснований сомневаться в том, что оно относится к тому же времени. Поэтому мнение Кавельмахаера и Назарова о его датировке 1551 г. никак не следует из сообщений Русского Хронографа и в качестве варианта его толкования является ошибочным.

Учитывая уже отмеченные Подъяпольским типологические характеристики упавшего храма, его должны были заложить, по крайней мере, весной 1548 г. Так что церковь Рождества Богородицы никак не могла быть надгробным храмом царевны Анны. Мало того, даже при минимальных сроках ее возведения вместе с «верхами» церковь должны были заложить до рождения царевны.

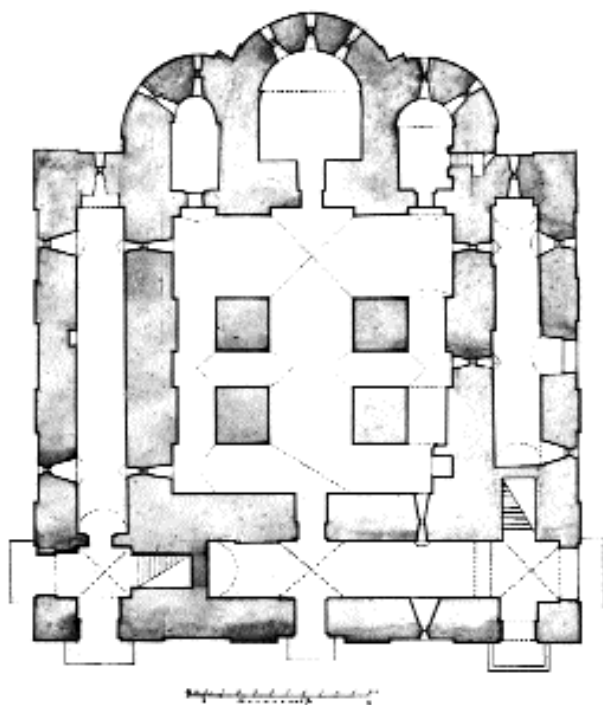
Таким образом, главный аргумент в рассуждениях Кавельмахаера в действительности отсутствует, так как является результатом ошибочного прочтения летописи. Несмотря на то, что нет никаких оснований считать церкви Рождества Богородицы и Свв. Иоакима и Анны одним и тем же храмом, все же следует рассмотреть и эту часть версии Кавельмахаера. Прежде всего, эпитафия, которую автор использует в качестве достоверного источника, достаточно определенно говорит о том, что тело умершей царевны было положено в деревянной церкви Свв. Иоакима и Анны. Другими словами, в том же июле 1550 г., когда церковь Рождества Богородицы была практически уже построена, параллельно с ней существовала деревянная церковь Свв. Иоакима и Анны. Текст эпитафии — «на коем месте построена была церковь каменная» — не указывает на то, что каменный храм был построен при Иване Грозном. Слова «а

стояла не освящена многие годы» для 1685 г. могут означать и время Михаила Федоровича, и начало царствования Алексея Михайловича. Во всяком случае, они не могут служить указанием на то, что храм стоял «без пения» почти полтора столетия. Версия об объединении двух посвящений — Рождеству Богородицы и Свв. Иоакиму и Анне — является целиком надуманной, поскольку в какой-то момент эти престолы существовали в монастыре параллельно. Столь же невероятны и туманные предположения о том, что церковь Рождества Богородицы должна была быть подобной одному из столпов дьяковского храма, но при этом с шатровым завершением. Прежде всего они противоречат летописному сообщению о падении «верхов». Единственное основание для рассуждений о существовании в монастыре шатровой церкви — это изображение на Несвижском плане 1611 г., но, во-первых, его нельзя рассматривать как документальное, а, во-вторых, нет никаких оснований идентифицировать этот огромный шатровый храм с надгробным храмом во имя свв. Иоакима и Анны. Скорее всего, так была обозначена соборная монастырская церковь. Напомним, что рядом с монастырем в этот период уже стояла каменная шатровая церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Но самое главное, проведенный анализ показывает, что все части версии Кавельмахаера, друг с другом ни исторически, ни логически не связаны.

В действительности мы можем с определенностью говорить, что в конце 1540-х гг. в монастыре строят каменный храм Рождества Богородицы, который к июлю 1550 г. был возведен практически полностью. Выражение «и до земли мост проломило», как справедливо уже отмечал Подъяпольский, скорее всего означает, что храм строился на подклете. Использование слова «верхи» во множественном числе может относиться только к многоглавой церкви. Прежде всего, следует особо подчеркнуть, что выражение «верхи», как и «верх», может означать только барабаны, а не своды храма. Терминологическую дифференциацию мы можем увидеть в текстах об Успенском соборе Московского Кремля: «...падеся церковь пресвятыя Богородици, ...въздана бо бе уже и до *сводов* (здесь и далее курсив мой. — А.Б.), ихже свед, *верх* болшей здати на них»³⁴, или о соборе Вознесенского монастыря: «По многих же летех нача ту церкви совершати великаа княгини Софиа и соверши еа по колце, идеже *верху* быти, но *верху* не свезде»³⁵. Причем, как мы видим, по последнему тексту слово «верх» обозначает не просто барабан,

а именно его свод, главу. Так, например, в тексте о разрушении собора Симонова монастыря мы читаем: «Гром же той в монастыри на Симанове сразил *верх* с каменные церкви *по шейные окна*»³⁶. И в этих примерах, и в других можно увидеть, что слово «верх» используется в единственном числе тогда, когда речь идет или о конкретной главе многоглавого храма, как в тексте об Успенском соборе, или об одноглавой церкви, как в тексте о соборе Вознесенского монастыря. Подобных летописных известий о храмах, явно одноглавых, можно привести множество. Например, о церкви Николо-Угрешского монастыря: «...у церкви у каменои верх завалился»³⁷, или о храме Спасо-Чигасова монастыря: «...церковь Спас выгоре в Чигасове монастыре и верх падеся»³⁸. Нигде, там где речь идет об одноглавом сооружении, мы не найдем использование множественной формы «верхи». В случае, если бы действительно в 1550 г. упал верх шатровой церкви, было бы указано о падении верха. Напомним, что летописец, сообщая о строительстве шатровой церкви Вознесения в Коломенском, пишет «верх на деревянное дело», а не «верхи».

5. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в. План подклета. Реконструкция Г.А. Макарова

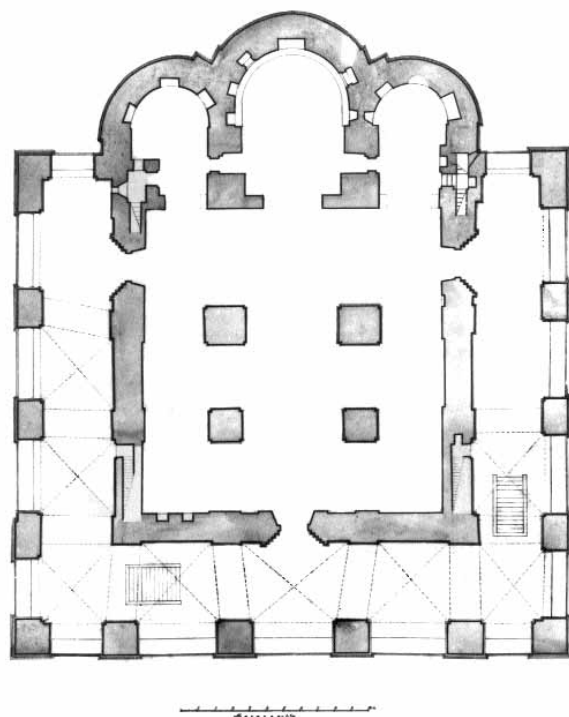
Как справедливо заметил С.С. Подъяпольский, этот храм, скорее всего, был пятиглавым. Для чего же тогда он строился? Стало уже очевидным, что он не мог быть погребальным храмом. Не могла, по-видимому, быть церковь Рождества Богородицы и теплой, то есть трапезной церковью, — по крайней мере, в среднерусской архитектуре XVI в. нам не известен ни один многоглавый подобный храм. В 1540-е гг. все дошедшие до нас трапезные церкви — одноглавые кубические, а позже, с конца 1550-х гг., начинает складываться особая типология трапезных шатровых храмов. Существует лишь одно исключение — пятиглавая трапезная церковь Св. Троицы Духова монастыря в Новгороде, датированная 1556/1557 г., которая остается на протяжении XVI в. уникальной и среди новгородских трапезных церквей. Скорее всего, многоглавый храм в монастырском ансамбле того столетия был только соборным. Изменение сложившейся функциональной типологии стало уже явлением XVII в., когда появились пятиглавые трапезные церкви. Таким образом, трудно опровергнуть тот постулат, что церковь Рождества Богородицы строилась как соборный храм, наиболее вероятен.

Однако это ставит под сомнение существование предшествующего каменного храма Василия III. Его разрушение в данном случае нельзя было бы оправдать ссылками на примеры полной перестройки храмов Василия III при Иване Грозном. И собор Спасо-Евфимиевского монастыря, и собор Никитского Переяславского были перестроены в связи с общерусским прославлением святых, мощи которых почивали в этих храмах: Евфимия Суздальского и Никиты Переяславского. В Новодевичьем монастыре, основанном лишь в 1525 г., подобной причины для перестройки не было. Кроме того, как мы уже выше показали, нет никаких достоверных данных в пользу существования каменного собора времени Василия III. Напротив, именно факт строительства 1550 г., со своей стороны, также говорит о том, что собор первой трети XVI в. был деревянным.

Существует и еще одно незамеченное до сих пор исследователями документальное указание на это. Оно содержится в духовной грамоте княгини Акинии Ромодановской 1542/1543 г.: «...а зде на Москве по родителех моих и по мне дадут приказшики мои из моего живота по ц(е)рквам к Пр(е)ч(и)стои в собор протопопу з братьею...; ко Архангелу на площадь протопопу з брат(ь)ею...; к Сп(а)су на великого кн(я)зя двор(е) в собор протопопу з братьею...; к Вознесенью Хр(и)стову

внутри града Москвы протопопу з братьею...; к Михайлову чюду архимандриту з братьею...; к Б(о)гоявлению на Москве на посад игумену з братьею...; к Сп(а)су к новому *х каменои ц(е)ркви* десять рублей; в Новои д(е)в(и)чь м(о)н(а)ст(ы)рь игумень с сестрами десят(ь) рублей; тогож м(о)н(а)ст(ы)ря св(я)щенником и дьяконом и проскурне три рубли; к Николе Чюдотворцу Гостунскому протопопу з братьею...; к Дмитрею великому на Воздвиженскую улицу рубль; к Воздвижению ч(е)стнаго кр(е)ста на Остров игумену и попу и дьякону шуба...; к Бл(а)говещению Пр(е)ч(и)стые за Неглиму *х каменnoi ц(е)ркви* на собор попом, и дьякону, и с пределными...; к Ивану с(вя)тому тутю ж у Бл(а)говещения рубль денег»³⁹ (курсив мой. — А.Б.). Уже при первом взгляде на этот документ можно увидеть, что характер обозначения в нем церквей, которым выдаются деньги и вещи на поминование души завещательницы, не одинаковый. В двух случаях названы не только посвящения, но и материал, из которого сложены храмы. Создается впечатление, что перечень храмов и монастырей никак не структурирован и введение в него характеристик материала — «каменный», «каменная» — является случайным. Однако в действительности храмы и монастыри сгруппированы здесь и по своему положению в церковной организации города, и по географическому принципу. Сначала упомянуты кремлевские соборы — Успенский, Архангельский и Спас на Бору, затем кремлевские монастыри — Чудов и Вознесенский, далее следует монастырь в Китай-городе — Богоявленский, после которого упомянуты великокняжеские богомолия — монастыри за городским посадом, Новоспасский и Новодевичий. После монастырей упоминается кремлевская церковь Николая Гостунского, затем церкви и монастырь на посаде за Неглинной — Дмитрия Солунского на Воздвиженке, там же Крестовоздвиженский монастырь, затем церковь Благовещения на Старом Ваганькове и рядом с ней обетная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, построенная Василием III после рождения сына Ивана в августе 1531 г. При наличии такой структуры можно считать, что и упоминания о материале некоторых церквей должны быть подчинены какой-то логике. Кремлевские соборы и Богоявленский монастырь упомянуты без каких-либо дополнительных указаний, поскольку то, что они были каменными, является само собой разумеющимся. Дифференциация внесена в перечисление недавно основанных загородных монастырей. То, что подобное различие не слу-

чайно, позволяет предполагать перечень церквей за Неглинной. Среди упомянутых здесь храмов (приходских и монастырских), находившихся в этой части будущего Белого города, действительно только церковь Благовещения на Старом Ваганькове была в начале 1540-х гг. каменной. Церковь Дмитрия Солунского, стоявшая в самом начале Воздвиженки или «Орбацкой» улицы, оставалась деревянной еще в первой четверти XVII в. и в очередной раз сгорела во время апрельского пожара 1629 г.⁴⁰ В 1542/1543 г. деревянной была и находившаяся рядом с ней церковь Крестовоздвиженского монастыря, сгоревшая 21 июня 1547 г.⁴¹, а также располагавшаяся неподалеку от нее обетная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи⁴². Их упоминание в духовной грамоте без указания материала объясняется тем, что в Занеглименье в начале 1540-х гг. большинство храмов были деревянными. Исключение составляла в этом районе церковь Благовещения на Ваганькове, о которой, как о каменной, видимо, было важно упомянуть. Поэтому можно предположить, что небольшой перечень загородных монастырей построен по тому же принципу. В Новоспасском монастыре действительно с конца

б. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в. План второго яруса. Реконструкция Г.А. Макарова

XV в. (1491—1496) была каменная церковь, и поэтому для отличия от упомянутого в паре с ним Новодевичьего было важным указать «*х каменои ц(е)ркви*». Если бы в Новодевичьем монастыре также существовал каменный храм, то трудно привести причину, по которой в этом контексте данная обитель не была бы упомянута адекватно монастырю Спаса на Новом. Поэтому текст духовной грамоты княгини Аксиини Ромодановской со своей стороны также подтверждает отсутствие каменного храма в Новодевичьем монастыре до середины 1540-х гг.

В дополнение можно также привести еще один аргумент сторонников ранней датировки собора. Мы имеем ввиду интерпретацию иконографии росписей собора, предложенную в 1954 г. Л.С. Ретковской, которая считала, что при Борисе Годунове были переписаны своды, а фрески на стенах выполнены в 1525—1530 гг.⁴³ Именно эта датировка стала доминирующей в литературе. Показательно, что и Н.Е. Мнева, отнесшая роспись Смоленского собора в «Истории русского искусства» к 1598 г.⁴⁴, уже в более поздней работе 1977 г. повторила датировку Л.С. Ретковской⁴⁵. В действительности роспись собора по своей иконографии не вступает в противоречие с невозможностью строительства существующего собора при Василии III. В диссертации Н.В. Квлевидзе и в ряде опубликованных ею в недавнее время статей выявлены особенности иконографии, которые могли появиться только во второй половине XVI столетия. При этом роспись собора обнаруживает в иконографии родство с фресками годуновской церкви Троицы в Больших Вяземах⁴⁶. Автору удалось доказать, что все элементы живописного убранства интерьера связаны единой программой.

Итак, с одной стороны, нет никаких доказательств существования деревянного храма времени Василия III, с другой стороны, в конце 1540-х гг. в монастыре строится именно соборный храм, что со своей стороны окончательно снимает проблему датировки нынешнего собора началом XVI в. и закрывает вопрос о существовании прежней каменной церкви. Что же касается престола Рождества Богородицы, то Подъяпольский был абсолютно прав, когда говорил о необходимости продолжать изучение системы посвящений собора. Однако в попытках разгадки тайны появления нового престола следует напомнить, что для XVI в., особенно для его начала, посвящения чудотворным иконам Божией Матери достаточно редки. Можно привести в качестве аналога более поздний пример, связанный с не менее почитае-

мым Донским образом Богородицы. Если бы не «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича», написанная патриархом Иовом, мы никогда бы не узнали, что действительное посвящение престола собора Донского монастыря было не во имя Донской иконы Пресвятой Богородицы, а во имя праздника Похвалы Божией Матери⁴⁷. При этом в летописных источниках и у современников указывается на освящение этого собора «во имя пречистыя Богородицы, именуемая Донския»⁴⁸. Поэтому нельзя полностью исключить, что и престол собора Новодевичьего монастыря в действительности был посвящен Рождеству Богородицы. Позднее, как и в Донском, он уступил место посвящению чудотворному образу. Кроме того, нельзя полностью исключить и возможность ошибки переписчика. В качестве примера можем привести ошибку Пискаревского летописца в обозначении престола собора Пафнутиево-Боровского монастыря, который согласно этому источнику был посвящен Успению Богородицы⁴⁹, тогда как на самом деле его традиционно для той обители посвятили Рождеству Богородицы.

Во всех случаях известие Русского Хронографа о посвящении храма Рождеству Богородицы не входит в противоречие со словами духовной Василия III о его обете построить монастырь с храмом «во имя Пречистые».

Итак, все изложенное позволяет сделать вывод о том, что существующий собор в силу объективных исторических обстоятельств не может быть памятником эпохи Василия III.

Однако остается вопрос, что произошло с монастырским собором после обрушения верхов в 1550 г. Неясность строительной истории существующего здания заставили Подъяпольского сделать достаточно широкие выводы, предполагающие три возможных датировки: «В действительности здание в основной своей части возведено в середине XVI века — либо в 1549—1550 гг., либо, что скорее всего, после 1550 г. Окончательную редакцию завершение собора (не считая более позднего рисунка глав) получило в 1598 г.»⁵⁰ Предположение о перестройке верха собора в 1598 г., вероятно, появилось вследствие двух обстоятельств. Прежде всего, из-за текста храмовданной летописи на стенах собора, где говорится, что собор «совершился бысть» в 7106 г., что совпало со сведениями о нем в исследовании Г.А. Макарова, согласно которым фасады сначала были завершены низко расположенными закомарами, имевшими килевидное очертание. В отчете Макарова этот вывод имеет такую формулировку: «Так, первона-

7. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в.
Южный фасад. Реконструкция Г.А. Макарова

чально он, возможно, строился с килевидными закомарами. Об этом свидетельствуют следы очертаний таких закомар, наблюдаемых нами в зондажах № 12—17. Но после обрушения, при постройке верхов собора, закомары были уже сделаны полуциркульного очертания»⁵¹. Заметим, что Макаров, вслед за Ретковской и другими исследователями, ориентировался на текст Синодика

1705 г. и полагал, что крушение верхов произошло в 1525 г.

На реконструкции западного и южного фасадов, выполненных Макаровым на основании своих натурных изысканий, нанесены обнаруженные им очертания первоначальных закомар (ил. 7, 8). Они действительно должны были быть намного ниже существующих, и их пяты находятся ниже

8. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в. Западный фасад. Реконструкция Г.А. Макарова

карнизов современных импостов. Но, к сожалению, абрис этих закомар не обнаруживает признаков килевидного подвышения в центре. Напротив, в восточном прясле южного фасада очертания первоначальных закомар выявлены наиболее полно и имеют характер полуциркулярной кривой. Кроме того, Н.С. Романов, работавший под руко-

водством Г.А. Макарова, и затем, после кончины последнего возглавивший реставрацию и исследования собора, подтвердил, что следы этих закомар нигде не обнаруживают «килькá». По его наблюдениям, характер этих следов скорее говорит о корректировке первоначального замысла, произошедшего во время строительства, а не о более

поздней перестройке, поскольку не менялся ни кирпич, ни характер кладки. Поэтому нет оснований относить к 1598 г. перестройку верхов собора (кроме того, не ясно, с чем могла быть связана эта перестройка).

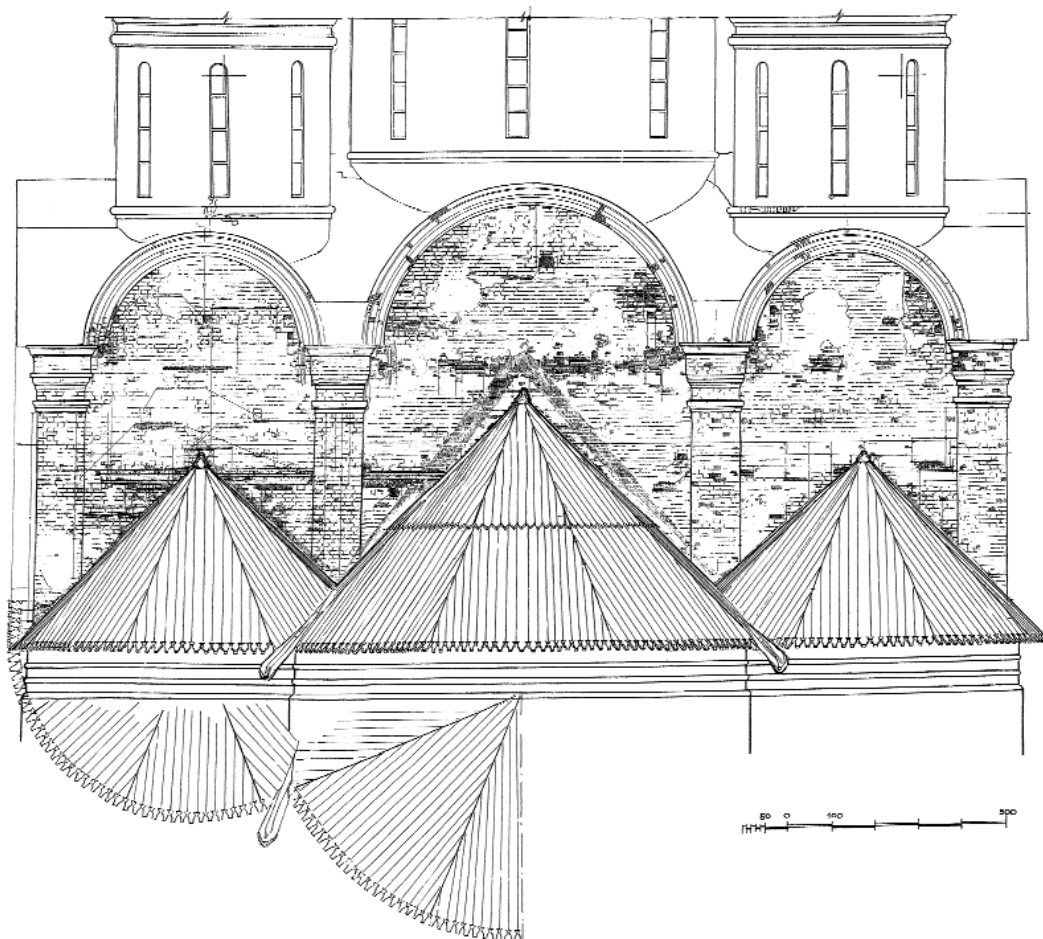
Наши предшественники не заметили еще одного документального свидетельства того, что пятиглавый собор Новодевичьего монастыря находился до 1598 г. в прекрасном состоянии. По-видимому, монастырь к тому времени уже был восстановлен после пожара 1571 г.⁵² В «Сказании о обретении мощей св. Гурия и Варсонофия» митрополит Гермоген избрал его в качестве примера идеального храма, с которым он сравнивал построенный собор Спасо-Преображенского монастыря в Казани: «Большая же церковь богослепного Спасова преображения... и прекрасна лепотою устроися о пяти главах, величеством же и красотою малым чим недостаточествует *церкви пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея одигитрия, иже в девицы монастыре в Новом, близ царствующаго града Москвы*»⁵³ (курсив мой. — А.Б.). Текст «Сказания» датируется 1596—1597 гг.⁵⁴ Слова храмозданной летописи 7098 г. о «совершении» собора могли подразумевать, прежде всего, обновление храма, заключающееся в создании росписи, иконостаса, в украшении ризницы, а также небольшие строительные работы. Так, в это время могли быть прорублены новые дверные проемы, порталы которых были затем заменены при работах конца XVII в. На их пробивку до начала живописных работ указала Ретковская, показавшая, что в храмозданной летописи учтены новые проемы⁵⁵.

Верхняя граница датировки существующего собора устанавливается по изображениям пятиглавого собора на миниатюрах Царственной книги Лицевого летописного свода. Присутствие на миниатюре, иллюстрирующей текст летописи о закладке церкви Свв. Иоакима и Анны в 1549 г., большого пятиглавого собора может говорить только о том, что современный нам храм уже существовал к моменту работы над Лицевым летописным сводом в Александровой слободе, которая происходила между 1568 и 1576 г. Труднее назвать нижнюю границу датировки. Определяющим здесь становится ответ на вопрос: был ли собор «1550 года» полностью разобран после июльской катастрофы. Если бы действительно следы изменения высоты закомар, обнаруженные Макаровым, были следами перестройки, то у нас появился бы серьезный аргумент в пользу сохранения основного массива четверика после 1550 г. Столь же

решающими были бы следы восстановления сводов подклета, которые были пробиты в 1550 г. Однако обтеска поверхности сводов в интерьере подклета, проводившаяся во время ремонтов, не позволяет выявить особенности кладки. Из отчета Макарова мы узнаем, что им были замечены какие-то аномалии в перекрытии подклета (ил. 5). Здесь при удалении штукатурки с северо-западного столба на западной его стороне обнаружили, что в этом месте к столбу примыкает как-бы прикладка, не перевязанная с кладкой столба. Когда ее разобрали, то открыли за ней гладкую облицовку. Как считал Макаров, ее сделали для того, чтобы «закрыть выступающие части подпружных арок под сводами в среднем и северном нефах подклета. Создается вполне определенное впечатление, что и эти подпружные арки были выложены не сразу вместе со столбами и сводами подклета, а несколько позже и, скорее всего, после обрушения верхов собора при его постройке»⁵⁶.

Наконец, в случае восстановления частично разрушенного здания под фресками конца XVI в. должны были сохраниться следы «докладки» рухнувших сводов и барабанов или верхних частей столбов самого храма. Однако подобные наблюдения никогда не проводились. Их можно было бы осуществить при осмотре внешней поверхности перекрытия храма, но в той части чердака, которая была доступна для осмотра; согласно сведениям Романова, переключок не наблюдается. Правда, при осмотре восточного фасада четверика в тимпане центральной закомары были обнаружены *in situ* два маломерных кирпича 15 × 4—4,5 × 22. Такой же кирпич обнаружен и в выкладке гнезда для стропильного бревна кровли центральной апсиды (ил. 9а,б). Но эти находки свидетельствуют лишь о том, что кладка стен производилась в середине — второй половине XVI в. Откуда в кладку большемерного кирпича, из которого возведен собор, попал маломерный, трудно сказать. Можно с уверенностью говорить о том, что большемерный кирпич изготавливался в сараях, выстроенных возле монастыря. Может быть, там же была изготовлена и небольшая партия маломерного кирпича, или же он был завезен в монастырь из других кирпичных сараев. Этот кирпич мог использоваться в кладке кирпичных глав. Подобный маломер был обнаружен в кладке конуса, завершающего первоначальную кирпичную главу.

Таким образом, сделать однозначный вывод о том, был ли собор, обрушившийся в 1550 г., разобран полностью или сохранен, невозможно. Мож-

9 а. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в. Восточный фасад. Деталь. Обмер В.А. Рябова

но было бы ожидать, что признаки строительных работ, предшествовавших возведению существующего соборного храма, проявятся хотя бы в отложениях культурного слоя. Однако во время работ по благоустройству территории они обнаружены не были. Культурный слой по всей территории вокруг собора оказался нарушенным многочисленными захоронениями и работами по выстилке широкой отмостки в конце XVII в. Подобные следы могли бы обнаружиться в подклете, но здесь, как нам известно, специальные археологические изыскания не проводились.

Итак, степень изученности собора позволяет лишь констатировать, что его строительство было закончено после 1550 и, условно, до 1568 г. (когда начались работы над Лицевым летописным сводом). В свое время В.В. Кавельмахер, выстраивая свои доводы, опровергавшие идентификацию

церкви Рождества Богородицы с соборным храмом, писал, что в случае их идентичности достаточно трудно будет доказать, почему храм 1550 г. разобрали буквально через пятнадцать — семнадцать лет после его постройки, то есть в 1560-х — начале 1570-х гг.⁵⁷ Однако подобной проблемы в действительности не существует, так как уверенность в возведении существующего собора в 1560—1570-е гг. базируется исключительно на представлении о том, что его композиционная схема должна была сформироваться в Кремле, в Благовещенском соборе⁵⁸.

Тем не менее это только теоретическая схема. Благовещенский собор не был храмом, в котором впервые приделы были поставлены на сводах паперти. Можно назвать более ранний пример — собор Свв. Бориса и Глеба в Старице 1558—1561 гг., где на сводах паперти возвели западные шатровые

10. Успенский собор Симонова монастыря. 1546—1549 гг. Северный фасад. Фото начала 1930-х гг.

Вернемся в этой связи еще раз к судьбе собора 1550 г. Вне зависимости от того, был ли он достроен или снесен и затем на том же месте выстроен заново, эти события должны были произойти в 1550-е гг. Действительно, катастрофа и гибель артели, на что указывал С.С. Подъяпольский, могли приостановить строительство. Можно предположить, что подготовка к третьему Казанскому походу также была не самым подходящим временем для этого. Но во всех случаях собор не мог стоять полуразрушенным или разобранным на протяжении 1550-х гг., когда по всей стране развернулось широкомасштабное храмостроительство. Однако и в том случае, если мы допускаем, что композиция собора сложилась в конце 1540-х гг., это не противоречит полностью развитию русской архитектуры. Действительно, все известные нам до сих пор многопридельные композиции появляются после Казанского собора и благодаря ему как импульсу к сложению многопрестольных донаторских программ, связанных с молитвенным благодарением после взятия Казани. С Казанским походом связаны наиболее яркие многопридельные храмы: собор Авраамиева Богоявленского монастыря (1554—1555), собор Покрова на Рву (1555—1561) и, вероятно, собор Свв. Бориса и Глеба в Старице (1558—1560/1561). Но является ли Казанский поход тем безусловным рубежом, разделяющим историю русской архитектуры на два четко разграниченных замкнутых периода? Действительно, нам неизвестны примеры многопридельных композиций до 1552 г. Однако в строительстве 1540-х гг. пятиглавие также не является распространенным. Практически все известные нам монастырские соборы были одноглавыми, в том числе и в столичных монастырях (собор Симонова, Рождественского монастырей). Но летопись под 1550 г., сообщая о падении каменных верхов, свидетельствует о возведении, скорее всего, пятиглавого храма, заложенного в конце 1540-х гг.

Таким образом, можно видеть, что в этой обители в одной из первых восстанавливается прерванная линия развития соборного строительства. При этом уже обращалось внимание на то, что, как и существующий собор, он был выстроен на подклете. Если существующий храм и разрушившийся в 1550 г. собор являются двумя разными постройками, то мы должны сделать вывод о сохранении условий заказа конца 1540-х гг. при последующем возведении нового храма. И это не являлось бы чем-то новым в истории храмового строительства. Здесь можно вспомнить о сохранении программы Успенского собора 1472—

1474 гг. митрополита Филиппа I при возведении Успенского собора 1475—1479 гг.

Сушественно, что в 1550-х гг. деревянный предшественник собора Новодевичьего монастыря мог быть многопридельным. Программа Василия III была в какой-то степени традиционной — возведение храма с престолами, посвященными святым и праздникам, вспоминаемым в дни, когда произошла или решающая битва, или взятие города. В этом отношении она не отличается от программы Ивана III, построившего у Архангельского собора приделы во имя Воскресения Словущего и апостола Акилы — в память о милости Божией, проявившейся при Шелонской битве в Неделю, когда поминали этого апостола от семидесяти. В соответствии с масштабом события программа Василия III отличалась своей широтой, поскольку как обетная она должна была охватить не один день Смоленского взятия. Как известно, великий князь торжественно вошел в Смоленск 1 августа — «на Происхождение честнаго креста» и был встречен епископом Смоленским Варсонофием со всеми клириками города Смоленска, несшими городские святыни и, прежде всего, «чюдотворную икону пренепорочныя пречистыя Богоматере»⁶¹. Православная церковь празднует явление чудотворного Смоленского образа 28 июля, и в 1514 г. это празднование происходило в преддверии капитуляции города, когда великий князь стоял под стенами Смоленска. Поэтому в обетной программе Василия III были выделены прежде всего дни 28 июля и 1 августа. В летописных сообщениях об основании Новодевичьего монастыря мы встречаем упоминания трех престолов, связанных с церковными празднованиями, приходящимися на эти дни: «...а в нем церковь пречистыя богородицы Одегитрия да Происхождение честнаго креста, да Прохор, и Никанор, и Тимон, и Пармена...»⁶² или более короткое: «...а в нем постави церковь Пречистыя Одегитрия... да церковь Происхождения Честнаго Креста...»⁶³. Таким образом, согласно этим сообщениям, в монастыре были престолы святых апостолов от семидесяти, празднуемых 28 июля вместе с явлением чудотворного Смоленского образа, а также самого образа (или заменяющего его богородичного праздника) и Происхождения древ, празднуемых 1 августа. Судя по всему, это должны были быть придельные престолы соборного храма. Обетная программа Василия III включала не только молитвенное благодарение этих святых. Как известно, первый храм, предшествующий основанию Новодевичьего монастыря, был

поставлен великим князем на московском посаде в 1514 г. — «и во граде Москве князь великий церковь постави святого Спаса, происхождение честного креста господня, и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве»⁶⁴. Таким образом, престолы этого храма были посвящены и святым, празднуемым 1 августа. Более поздний источник, Ладанная книга 7127 г., указывает на существование и еще одного придела у храма Спаса Смоленского на рву — праведного Евдокима⁶⁵. Память этого святого празднуется Церковью 31 июля в предпразднество Просхождения честных древ. Кроме того, 31 июля произошла капитуляция Смоленска, когда «князи и бояря Смоленские град отвориша, а сами поидоша к шатром великому государю челом ударити и очи его видети, да туто и приказалися великому государю и крест целовали»⁶⁶. Поэтому можно достаточно обоснованно предположить, что устройство этого придела относится уже к 1514 г.

Также можно предположить, что далеко не все престолы Новодевичьего монастыря были отмечены летописцем. Так, среди посвящений существующего собора был и престол во имя Архангела Гавриила, ангела по второму имени Василия III. Вероятнее всего, этот придел был уже в деревянном соборе 1525 г., поскольку устройство подобного престола должно было произойти при жизни Василия III. Не исключено, что здесь был и престол во имя святых, празднуемых 1 августа: семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеозара, а также праведного Евдокима. Во всяком случае посвящения святым, празднуемым 28 июля вместе с чудотворным образом, а 1 августа вместе с Происхождением Честных древ и, может быть, 31 июля укладывается в программу существующего шестипрестольного собора. Среди дошедших до нас придельных престолов собора два несомненно связаны с первоначальной системой посвящений: архангелу Гавриилу в диаконнике и апостолам Прохору, Никанору, Тихону и Пармену в северном приделе. Среди трех приделов, первоначальные посвящения которых остаются неизвестными, один должны были посвятить Происхождению честных древ Святого Креста Господня. Два других могли освятить во имя семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеозара и во имя праведного Евдокима. Были ли все эти приделы уже в храме «1550 г.», мы можем только предполагать. Одно несомненно, что перед его строителями также стояла задача возведения многопрестольного

храма, система посвящений которого, кроме главного богородичного престола, должна была включать, по крайней мере, престолы архангела Гавриила, Происхождения Древ Честного Креста Господня, свв. апостолов Прохора, Никанора, Тихона и Пармена. Таким образом, уже этот собор был многопридельным, а соответственно уже в нем могло быть не только четыре престола, но все шесть. Тем более, такая программа могла найти соответствующее пространственное выражение в 1550-е гг.

В том, что храм с подобной композицией мог возникнуть на рубеже 1540—1550-х гг. или в первой половине 1550-х, нет ничего странного. Его программа сформировалась еще при Василии III и заключала в себе модель будущих обетных программ Ивана IV. Неслучайно «главный» обетный храм «о Казанском взятии» Иван IV ставит «на рву», практически рядом с обетным храмом Происхождения Честного Креста Господня «о Смоленском взятии». Продолжение исполнения обета своего отца в устройении монастыря и храмов, поставленных в молитвенное благодарение Господа, Его Пресвятой Матери и святых за возвращение Смоленской «отчины», могло быть очень актуальным в борьбе за Казанскую «отчину и дедину». С этим связано внимание Ивана IV к монастырю в конце 1540-х гг. Возведение каменного собора не было следствием крещения здесь его первенца — царевны Анны, как это пытался доказать В.В. Кавельмахер, — это не соотносится и со временем его строительства. Напротив, крещение здесь царственного младенца, как и строительство каменного собора, было частью почитания Иваном Васильевичем Матери Божией, посвященного Ей монастыря, поставленного по обету за «вручение» Василию III Смоленска, который теперь становится местом моления его сына о ее Предстательстве и Покрове над его царством и семьей.

Итак, как многопридельный храм собор Новодевичьего монастыря мог возникнуть на рубеже 1540—1550-х гг. и в 1550-е гг.

Однако облик собора Новодевичьего монастыря определила не только многопрестольная программа, но и непосредственная ориентация его создателей на архитектуру кремлевского Успенского собора. Указание на очевидную связь этих построек стало уже традицией в историко-архитектуроведческой литературе. О сознательной и поэтому непосредственной ориентации на этот образец позволяют говорить не только его шестистолпная структура, но, прежде всего, ряд узнаваемых композиционных приемов и декоратив-

11. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Середина XVI в. Интерьер

ных мотивов, не ставших к середине столетия тиражируемыми в храмовом строительстве. По характеру интерпретации образца собор Новодевичьего монастыря принадлежит к другой эпохе в его копировании, нежели соборы первой трети XVI в. Композиция его фасадов определена и повторением структурообразующих элементов фасадов Успенского собора, и достаточно последовательным воспроизведением его декоративных мотивов, что несомненно объединяет Смоленский собор с Успенским собором Вологды и Успенским собором Троице-Сергиева монастыря. При этом здесь присутствует одна особенность, которая выделяет его из группы этих построек и, напротив, как может показаться, сближает с храмами времени Василия III. Мы имеем ввиду характерную для «итальянизирующих» копий московского Успенского собора начала XVI столетия ордерную декорацию интерьера. Ее трактовка в Смоленском соборе имеет значительные отличия, что также, на наш взгляд, является датирующим признаком. В интерьерах начала и середины XVI в. мы видим использование «алевизовской» декорации, связанной с системой выделенных подпружных арок, отмечающей их соединение со стенами и несущими опорами. Здесь же, в Новодевичьем монастыре, эта связь разрывается. В организации внутреннего пространства используется один из принципов построения интерьера кремлевского Успенского собора, породивших ощущение его «зальности». Как и в Успенском соборе, пространство наоса перекрывают «слитые», то есть неразделенные между собой подпружными арками, крестовые своды (ил. 11) — конструктивный прием, характерный именно для шестистолпных храмов 1550—1560-х гг. Как и в Успенском соборе, своды центрального и боковых нефов подняты на одну высоту. Из-за этого архитектурность системы, которая в шестистолпных и четырехстолпных соборах первой половины столетия была формой ордерного выражения реальной конструкции сооружения, оказалась нарушенной. Мы не можем судить о том, как были устроены и расчленены лопатки на внутренних стенах, соответствующие опорам. Они явно были искажены при подготовке стен под роспись в конце XVI столетия. Судить о характере декорации интерьера мы можем по столбам собора, которые разделены горизонтальными членениями на три пространственные зоны. Нижнюю образуют высокие пьедесталы с цоколем, представляющим аттическую базу, и с развитым трехчастным карнизом. Сам фуст столба, имеющего в основании цоколь в виде простого

четвертного вала, а завершающийся узким карнизом-импостом в пятах сводов, разделен примерно на середине своей высоты трехчастным поясом с широким архитравом, высоким фризом и узким карнизом. Подобные дополнительные членения появлялись в «алевизовской» декорации для акцентирования пят подпружных арок, находившихся ниже арок, поддерживающих своды нефов и соединявших столбы между собой и со стенами. Так как в Смоленском соборе все подпружные арки находятся на одном уровне, то это дополнительное членение конструктивно не обусловлено. Будучи сугубо декоративным, оно призвано не только усилить тектоническую сущность столпов как опор, создать ощущение постепенного нарастания их формы, но и структурировать по высоте все пространство собора, разбив его на несколько зон.

Элементы «алевизовской» декорации в интерьере этого собора в действительности являются логичным продолжением особенностей храмовой архитектуры 1530—1540-х гг., создавшей ее многочисленные интерпретации. В этой архитектуре известны и такие опыты выборочного копирования интерьера начала столетия как повторение основных элементов оформления внутреннего пространства дмитровского Успенского собора в соборном храме дмитровского Борисоглебского монастыря. Именно в этом соборе середины XVI в. повторены пьедесталы столпов Успенского собора, причем повторены с полным пониманием их ордерного строения, с четким разделением карниза самого пьедестала с «аттической» базой фуста столба. Высокий уровень понимания логики интерьерной декорации в архитектуре середины столетия продемонстрирован в соборе московского Рождественского монастыря, который с достаточными основаниями может быть датирован 1540-ми гг. Карнизы, помещенные под пятами арок, соединяющих опоры со стенами, раскрепованы по всему периметру столбов, увенчанных карнизами в основании повышенных подпружных арок, несущих барабан. На стенах храма, лишенных лопаток, им соответствуют кронштейны в пятах этих арок. Карниз в основании конхи апсиды соединяется с импостами на ее торцевых стенах, декорирующими пята арок, перекинутых к восточным столбам. Идентичность профилей всех ордерных членений (это трехчастный карниз) и их четкая согласованность друг с другом создают здесь особую структурированность внутреннего пространства. Столь же четкую структуру, как можно судить по фрагментарным обмерам, имел и Успенский собор Симонова

монастыря конца 1540-х гг., где также, как и в Рождественском соборе, трехчастные импосты на стенах под пятами арок соответствовали по профилировке внутренним столбам. Нельзя также не вспомнить, что весьма вероятно появление в 1540-е гг. и церкви Антипия на Колымажном дворе, где встречается беспрецедентный для бесстолпных храмов прием — внутри, на поверхности стен появляются пилястры, соответствующие наружным лопаткам и доходящие по высоте до пят крещатого свода. Таким образом, в московской архитектуре в 1540-е гг., непосредственно перед строительством собора Новодевичьего монастыря, активно продолжалась традиция ордерной декорации храмового интерьера. Поэтому эта особенность облика собора сближает его с зодчеством середины столетия, что может также подтвердить достаточно раннюю датировку — 1550-ми гг., может быть их началом.

В связи с этим следует более внимательно отнестись к одному из самых выразительных элементов фасадного декора собора — развитым по высоте и сложным по профилировке импостам лопаток. Они включают три профилированных элемента, разделенных широкими «фризами». Нижний состоит из кирпичной широкой полки и белокаменного четвертного вала с подрезкой — лестелем. Затем следуют фриз из трех рядов кирпичей и средний профиль, образованный полкой высотой в кирпич и белокаменным четвертным валом с нижней подрезкой и высокой полкой.

Выше следует фриз в четыре, а на некоторых фасадах в шесть и более рядов кирпичей. Завершался импост белокаменным профилем — очень плоским, с небольшим выносом, «гуськом» с подрезкой внизу и полкой наверху. Эти многосоставные импосты отличаются от лапидарных карнизов в основании архивольтов закомар в соборах Вологды, Троице-Сергиева монастыря и многих других храмов с аналогичной композиционной схемой фасадов. Наиболее близкую параллель им мы обнаруживаем в соборе Симонова монастыря. Источник таких многосоставных импостов в Смоленском соборе, как и в соборе Симонова монастыря, — ордерная декорация церкви Вознесения в Коломенском. Подобно собору Симонова монастыря в Смоленском соборе архивольты — дробные и достаточно широкие (ил. 10). Их профиль состоит из чередующихся прямолинейных и криволинейных обломов — полки и четвертных валов. Таким образом, и характер профилировки, которой не свойственна еще механистичность и укрупненность грозненского декора 1550—1560-х гг., также сближает Смоленский собор с постройками 1540-х гг. По своей архитектуре собор занимает пограничное положение между двумя эпохами в зодчестве Ивана IV, между строительством 1540-х и 1550—1560-х гг. Ее особенности подтверждают те немногие исторические данные, согласно которым верхняя граница датировки собора не должна выходить за пределы 1550-х гг.

¹ Подъяпольский С.С. О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря. — Докл. на конф. «Лазаревские чтения» в МГУ 5 февраля 1988 г. Рукопись (далее — Подъяпольский, 1988).

² Кавельмахер В.В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы науч. конф. 1995 г. / Под ред. В.Л. Егорова. М., 2001 (далее — Новодевичий монастырь, 2001). С. 154—179 (далее — Кавельмахер, 2001).

³ Баталов А.Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины — второй половины XVI века: Образ и смысл // Русское искусство Позднего Средневековья / Под ред. А.Л. Баталова. М., 1993. С. 122.

⁴ «Лета 7030-го году мая в 8 день великий князь Василей Иванович всеа Росии повеле воздвигнути под Москвою Новодевичь монастырь, а соборная церковь Смоленския богородица» (Буганов В.И. Краткий Московский летописец конца XVIII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники — 1976 г.: М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 290).

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. С. 415; Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV — начало XVI в. М., 1998 (далее — Акты Российского государства, 1998). С. 293.

⁶ Постниковский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34 (далее — Постниковский летописец, 1978). С. 15.

⁷ Назаров В.Д. Новодевичий монастырь: Введение // Акты Российского государства. 1998. С. 267 (далее — Назаров, 1998).

⁸ Там же. С. 268.

⁹ Владимирский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 143 (далее — Владимирский летописец, 1965).

¹⁰ Там же. С. 141, 142.

¹¹ Там же. С. 142, 143.

¹² Там же. С. 142, 144.

¹³ Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв.: Из архива московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В.И. Корешкова. М., 1985. С. 255.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22 (далее — ПСРЛ. Т. 22). Ч. 1. С. 531.

¹⁵ Ретковская Л.С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954 // Труды ГИМ: Памятники культуры. 1954. Вып. 14. С. 11 (далее — Ретковская, 1954).

¹⁶ Подъяпольский, 1988. Л. 6.

¹⁷ Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Новодевичий монастырь, 2001. С. 75.

¹⁸ Подъяпольский, 1988. Л. 5.

¹⁹ Кавельмахер, 2001. С. 155.

²⁰ Цит. по: Кавельмахер, 2001. С. 159.

²¹ Там же. С. 160.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же. С. 165.

²⁴ Назаров, 1998. С. 273.

²⁵ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 529.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII(1) (далее — ПСРЛ. Т. XIII(1)). С. 157—158.

²⁷ Там же. С. 157.

²⁸ Назаров, 1998. С. 274, примеч. 19.

- ²⁹ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 530.
- ³⁰ Там же. С. 531.
- ³¹ Там же.
- ³² ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 160—161.
- ³³ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 532.
- ³⁴ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII (далее — ПСРЛ. Т. XII). С. 155.
- ³⁵ Там же. С. 118.
- ³⁶ Там же. С. 168.
- ³⁷ Владимирский летописец, 1965. С. 145.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 152.
- ³⁹ Акты Российского государства, 1998. С. 134—135.
- ⁴⁰ Упомянута в Описи Москвы 1629 г.: «По Орбацкой улице церкви: Церковь Дмитрия Селунского древяна згорела» (Из истории Москвы // Красный архив, 1940, № 4 [107]. С. 206).
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 152; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 636.
- ⁴² «... постави церковь древяную обетную у Благовещенья на Старом Ваганкове» (ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 59).
- ⁴³ Ретковская, 1954. С. 8, 16—31.
- ⁴⁴ Мнева Н.Е. Живопись конца XVI — начала XVII века // ИРИ. М., 1955. Т. III. С. 640.
- ⁴⁵ Мнева Н.Е. Монументальная и станковая живопись // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. С. 317.
- ⁴⁶ Каливидзе Н.В. Символические образы Московского государства и иконографическая программа росписи собора Новодевичьего монастыря // ДРИ: Русское искусство Позднего Средневековья — XVI век. СПб., 2003 (далее — ДРИ, 2003). С. 223.
- ⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV (далее — ПСРЛ. Т. XIV). С. 15.
- ⁴⁸ «Возградил... храм во имя пресвятыя богородица порекло Донския» (Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 43), или «воздвигнути храм во имя пречистые Богородицы, именуемая Донския» (Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. С. 43).
- ⁴⁹ Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 200.
- ⁵⁰ Подьяпольский, 1988. Л. 12.
- ⁵¹ Архив ЦНРПМ. Шифр 95. Инв. № 1604: Научно-реставрационный отчет о научно-исследовательских, проектных и ремонтно-реставрационных работах. Москва, 1984. Т. 1. Ч. 1 (далее — Научно-реставрационный отчет, 1984). Л. 44.
- ⁵² На сожжение монастыря при нашествии Девлет-Гирея косвенно указывает Генрих Штаден: «На юге лежит выжженный Девичий монастырь» (Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 23).
- ⁵³ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств... Казань, 1868. С. 32.
- ⁵⁴ Дробленкова Н.Ф. Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 159.
- ⁵⁵ Ретковская, 1954. С. 12.
- ⁵⁶ Научно-реставрационный отчет, 1984. Л. 39.
- ⁵⁷ Кавельмахер, 2001. С. 166.
- ⁵⁸ Там же. С. 176.
- ⁵⁹ Мельник А.Г. О русских шестистолпных пятиглавых храмах XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. X. С. 220.
- ⁶⁰ Подьяпольский С.С. Московский Кремлевский дворец в XVI в. по данным письменных источников // ДРИ, 2003. С. 107—108.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 19.
- ⁶² Постниковский летописец, 1978. С. 15.
- ⁶³ Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 520.
- ⁶⁴ Владимирский летописец, 1965. С. 141.
- ⁶⁵ Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям ладанных книг (Опыт справочника-указателя) // Сакральная топография Средневекового города / Под ред. А.Л. Баталова и Л.А. Беляева. М., 1998. С. 161.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 19.

Andrej Batalov (Moscou)

À la discussion de la date de construction de la cathédrale de monastère Novodievitchi

L'article est consacré à l'un des problèmes les plus discutables dans l'histoire de l'art russe de XVIe siècle — la date de construction de la cathédrale de l'Icone-de-la-Vierge-de-Smolensk de monastère Novodievitchi. On analyse le complexe de documents et de témoignages indirects ainsi que les conceptions modernes de l'histoire de l'art. La conclusion tirée est que la première cathédrale de pierre n'a été fondée plus tard qu'en printemps de 1548. Cette cathédrale a survécu la catastrophe de 1550 — l'effondrement des coupes. On a pu la réédifier sur les fondements et les murs initiaux. Même si on l'a démontée, elle a été renouvelée dans la première moitié des 1550 années. Les traits stylistiques ne contredisent pas cette décision:

l'intérieure, le caractère de l'ordre font penser à l'architecture de la décennie précédente. La conception architecturale de la cathédrale appartient à l'époque de Vassili III. Elle a été créée d'après son vœu à la conquête de Smolensk. La cathédrale de pierre de Novodievitchi est peut-être l'une des premières constructions aux chapelles multiples, érigées sur les galeries latérales, constructions, précédentes ou contemporaines à la cathédrale de Basile-le-Bienheureux. La cathédrale de l'Icone-de-la-Vierge-de-Smolensk est devenue en quelque sorte l'œuvre de transition entre les deux époques dans l'histoire de l'architecture russe — la période des années 1540 et la période des années 1550—1560.